Содержание

Русская дочь английского писателя

Часть первая

Лилии для Лидии 8
Цветы в Америке и Лондоне 20
Гастрономический вальс 27
Наша дольче вита 42
Вальс истории. Элиот, Оден или Йейтс? 51
Написать о войне 61
Видение в кинозале 74
Продолжение Видения 76
Кто такие фейри? 80
Призраки Джо 87
Мама и Джо 99
Венеция зимой 101
Простое человеческое страдание 104
Парадокс ныряльщика 108
В музее 114
Два типа искусства 123
Чего хотел Джо? 132
Беккет и девочки 137

Старая фотография . . . 146
Немцы . . . 148
Танки и аэропорты . . . 150
Футбольное поле. В стиле Одена . . . 155
Аэропорты. В стиле Элиота . . . 158
UK/Юкей. В стиле Йейтса . . . 162
Кот Джордж. В стиле Британской империи . . . 168
Страна отца и матери . . . 175

Часть вторая

Джо и русские . . . 188
Джо и Византия . . . 192
Брюс Чатвин и Москва . . . 199
Автобус — свеча и бабочка . . . 203
Вещи в СССР . . . 206
Улицы, скамейки, города . . . 210
День рождения Джо . . . 215
Новый год . . . 217
Могила Толстого . . . 221
Сабина и другие . . . 223
Твои неродные дети . . . 225
Задание . . . 227
Церковь Ста дверей . . . 230
London . . . 233
Всплески . . . 234
Коэн . . . 235
Thank You . . . 237

Часть третья

Похороны Джо. Реквием . . . 240
И вот... конец . . . 254
Post Scriptum . . . 256

Сербские притчи

Часть первая. Оптики

(А) Книга зрений

1. Приезд . . . 264
2. Годар . . . 265
3. У магазинчика . . . 267
4. Внутри . . . 269
5. Погружение в уныние . . . 270
6. Хва́ла! . . . 272
7. Иная оптика . . . 273
8. Так на так . . . 274
9. Деревенский курьез. Рассказ приятеля отца . . . 275
10. Серб и Сибирь . . . 276
11. Размышления в духе Руссо . . . 277
12. И не Запад . . . 279
13. Но и не Восток . . . 281
14. Можно сказать и что... . . . 283
15. Тарковский . . . 284
16. Ожидание . . . 285

(Б) Бабушкина книга

17. Предыстория . . . 285
18. На ощупь . . . 288
19. Круговращение сезонов . . . 290
20. Встреча . . . 291
21. Бабушка изменилась абсолютно... . . . 292
22. Призрачный театр . . . 292
23. А там — девочка . . . 294
24. Япония и пчелы . . . 296

(В) Сашина книга

25. Белград... . . . 298
26. Крепость . . . 298
27. Оружие . . . 300
28. Мысль . . . 301
29. В кафе . . . 303

30. Снова оружие . . . 304
31. Продолжение в Которе . . . 306
32. Саша и сербы . . . 308
33. С отцом вечером . . . 310
34. Если бы вы спросили… . . . 311
35. Еще раз . . . 313

Часть вторая. Медиа

(Г) Книга двух языков

36. Языки . . . 314
37. Звуки . . . 315
38. Чеченцы, русская мафия, Тито и — черногорцы . . . 316
39. Корни . . . 317
40. Врач . . . 319
41. Белій Анжео . . . 321
42. Эпос . . . 325
43. Обвинение русских властей . . . 326
44. Оправдание русского языка . . . 327
45. *Sur le tsar* . . . 328
46. О литературе . . . 330
47. Если серб… . . . 332
48. Свечи . . . 334
49. Одна единица власти . . . 335
50. Смех . . . 335
51. О смехе и бабушке . . . 336
52. Четыре случая с Луди Веско . . . 337

(Д) Книга театра

53. Драган, начало . . . 343
54. Университет . . . 344
55. Шестидесятник . . . 346
56. Коммерческое/некоммерческое . . . 347
57. Трагический голос . . . 349
58. Сомнение в красоте . . . 350
59. Красота оправданная . . . 351
60. Успех . . . 354
61. Профессорский дом . . . 356

62. Боба . . . 356
63. Бобины пленки . . . 357
64. Тайна Бобы . . . 360
65. Последняя пленка . . . 362
66. …и Веня . . . 363

Часть третья. Сербия обретенная

(Е) Книга частных фрагментов

67. Реживичи и округа . . . 366
68. Роберт . . . 367
69. Роберт и Америка . . . 368
70. Жена Роберта . . . 370
71. Свети Стефане . . . 371
72. Вот — Бу́ча . . . 372
73. А вот — Ацо . . . 373

(Ж) Книга большой игры

74. Новый Герцог . . . 376
75. Йован . . . 377
76. Позы власти . . . 379
77. Радко . . . 380
78. Кэре и дурак . . . 382
79. Новый Дарвин . . . 383
80. Новый XIX век . . . 384
81. Imitatio . . . 386
82. Симонида . . . 388
83. План, Летчик… . . . 390
84. Американский друг . . . 393

(З) Каменная книга

85. Бигово. Дуки . . . 393
86. Ирина . . . 395
87. Предпоследние зарисовки . . . 397
88. Прощание с искусством . . . 399
89. Василий Острожский . . . 400
90. У Бане . . . 404
91. Конец сказки . . . 407

РУССКАЯ ДОЧЬ АНГЛИЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Памяти Джо

Часть первая

ЛИЛИИ ДЛЯ ЛИДИИ

1

Приехавший из Оксфорда профессор литературы рассказывал нам о позднем викторианстве, о блаженном XIX веке, о Браунинге, Россетти, Теннисоне. Есть что-то бесконечно привлекательное в том периоде, когда поэзия была создательницей и поставщицей «волшебных», «альтернативных» миров, существовавших в благозвучии и точных метафорах, купающихся в целом море широких человеческих чувств, чем, в общем-то, она не является сегодня.

Быть может, то время — последний раз, когда у человечества было ощущение, что так или иначе, а миром правят «бабушки» и «дедушки», — и рожденные в XX веке еще ощущали себя внуками тех, кто обитал в театрально-насыщенных декорациях, которые достославный Ингмар Бергман покажет в своей бессмертной ленте «Фанни и Александр». Мир тяжелых штор, защищающих домашний уют от внешнего холода, мир вензелей и визитов, мир карет, лошадей и медленной техники, и мир, где хорошо изданные книги разрезаются специальным ножиком с ручкой из слоновой кости и инкрустациями. Все любовно отделано — быт настолько налажен и насыщен, что непонятно, зачем в нем хоть что-то менять. В сходной ностальгии Мартин Скорсезе назвал это время своих бабушек и дедушек «Веком невинности» и перенес частичку доведенного до совершенства старого европейского уклада в свой любимый Нью-Йорк. Для XX века у него зарезервирован лишь криминал.

В сходной ностальгии я вспоминаю тяжелые, наполненные семейными сокровищами шкафы моей бабушки. Быт, доставшийся от 50-х годов, из детства моей мамы, и в нашей коммунальной квартире живший

в крохотных бабушкиных комнатках, вдруг почему-то редуплицировался в комнатах большого особняка из бергмановских кинолент — и проступил для меня в них как сквозь сон. Середина XX века слегка повторила излом XIX, проснувшись влажной короткой цитатой.

2

Даже тяжелые красные шторы с узорами я узнавала. Впрочем, не только у Бергмана, а еще в более раннем детстве, когда я смотрела фильмы из юности бабушек и дедушек — многочисленные постановки из жизни французской аристократии, особенно те, у которых в титрах, как в преддверии рая, стояло знаменитое *Жерар Филипп*. Послевоенная мода с подчеркнутой мужественностью силуэта у мужчин и женственностью силуэта у женщин — со всеми этими приталенными, как доспехи, пиджаками, хрупкими шляпками с вуалями и мушками, широкими юбками, корсетами, чулками и перчатками, плюс мужскими трубками, плащами и кашне — тоже напоминала давно прошедшее время бель-эпок и прочно увязала время моих бабушек и дедушек с чем-то таким же из чужого и далекого прошлого. Родители с их юбками-мини, длинными волосами, смазанностью гендера и жестким конфликтом с коммунистически-патриархально-имперским прошлым тоже чем-то напоминали ту иную эпоху — только уже 1920-е годы с их взрывом всего и вся, а также революционной темой «Долой стыд!», подарившей миру укороченные юбки, майки, футболки и прочее обтягивающее фигуру безобразие.

Одна моя знакомая рассказывала, как в 20-х родная сестра ее бабушки уселась голой в трамвай, чтобы бороться со стыдом — ложным наследием прошлого. «И как?» — спросила я. «Ну... больше она так не ездила. Ей было очень стыдно». Моя мама, конечно,

голой никуда не садилась, но мини-юбка, скрывавшая разве что бедра, а также реакция мирных граждан на таковую моду могли что-то такое напомнить из предсталинского революционного прошлого. Потому что в колебаниях революция/реакция мои родители, безусловно, попадали на революционный пик, в то время как бабушки и дедушки — на консервативный «всплеск». Ну, это до того, как мои родители развелись и папа уехал из Москвы, где появился на свет, домой в Югославию, а мы с мамой, не поехав за ним через несколько месяцев, как было договорено, остались в России. Где-то во внутренней памяти я до сих пор вижу этот вокзал и поезд, и папу на перроне с большим (обязательно большим) лиловым (обязательно лиловым) букетом цветов. Поезд приближается, останавливается... остывает. В раскрывшиеся двери начинает выходить народ. А нас там нет. Есть только букет и папа.

3

Странный разговор о моде состоялся у меня уж совсем неожиданно.

В микроавтобусе, перевозившем гроб моей покойной родственницы. Ее звали Лида, и лицо ее, лежавшее в лилиях и белых розах, казалось таким же спокойным, как и при жизни. Лидия Яновна. Она была двоюродной сестрой моего деда, мой прадед и ее мать выросли в одной семье, а спокойствием своим она пошла в отца-латыша. Лидия Яновна считалась «кожником» от Бога, как говорила жена моего русского деда — моя еврейская бабушка, постоянно звонившая Лиде в случае каких-то врачебных надоб. Мир советской медицины всегда состоял из «рекомендаций» — пчелиных связей от одних врачей к другим, и хороший «кожник» всегда мог посоветовать

хорошего стоматолога, а хороший стоматолог или гинеколог мог посоветовать практически уже кого угодно. Она была женой генерала, который, как шептались, делал «голубую кровь» — мгновенный заменитель крови для солдат в бою. Некую странную плазму, куда более приспособленную к войне, чем донорская. Эта «голубая кровь», о которой говорят их дочери, почему-то очень гармонирует в моих воспоминаниях со спокойным лицом тети Лиды, словно и мертвое, и живое сами присутствуют в нем рядом, столпились и сошлись.

Голубая кровь — кровь элиты. У меня же кровь фиолетовая или лиловая. Потому что в ней смешались кровь русская, еврейская и черногорская, которая голубая или даже синяя, потому что хотя они, черногорцы, по словам моей еврейской бабушки, в своей стране и «голубая кровь», но по моим расчетам, если они горцы, то кровь у них должна быть синяя, поскольку в песне поется про «синие-синие» горы, и еще, раз они черногорцы, то, значит, волосы у них «иссиние», как говорит та же бабушка про цыган, восторгаясь оттенком.

Итак: добавляем красную кровь в это сине-иссинее великолепие — и блеск что получится. Фиолетовый или лиловый, мой любимый цвет! Бабушка, кажется, очень гордится, что ей удалось заполучить эту кровь у моего отца. Она работает на Центральной студии документальных фильмов цветоустановщиком, и ей ли не знать, как мешаются самые красивые краски! В любом случае обо мне она не жалела и весьма довольно сообщала мне, что мы никуда к папе не поехали и навсегда остались с ней. Какого цвета была ее еврейская кровь, я не знала, об этом она говорить не любила, но я подозревала, что винно-красного, из-за горячности. Однако сейчас мы едем вместе с кровью голубой — с высокопоставленными отпрысками моей русской ветки...